

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Филологический факультет

АТЛАНТИКА

Записки по исторической поэтике

ATLANTICA

Выпуск XV

МАКС-ПРЕСС
Москва – 2018

Е.Р. Сквайрс
Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

**МОЛИТВА И КЛЯТВА: ОБ ОДНОМ НОВГОРОДСКО-НЕМЕЦКОМ
КОНТЕКСТЕ 1425 ГОДА¹**

В статье представлены параллельные (на средненижненемецком и русском языках) версии послания в Новгород, составленных в Ревеле в 1425 г. Внимание привлекла идиома, не характерная для обычного формульного состава средневековых официальных писем между Ганзой и Новгородом; ее анализу посвящена статья. Если в немецком это выражение оказывается формулой правовой прозы, восходящей, по свидетельству англосаксонских законов, к древней устной судебной клятве, то для русского эквивалента, употребленного переводчиком, не устанавливается юридического значения. Однако общее происхождение этого выражения в обоих языках, связывающее его с раннехристианской молитвой, объясняет и оправдывает его выбор.

Ключевые слова: средневековое право, поэтическая традиция, молитва, средненижненемецкий, древнерусский, древнеанглийский, Ганза, Новгород

Послание в Новгород

Среди архивных фондов, в которых хранятся письменные документы, договоры и письма Ганзы, запечатлевшие три столетия её экономических и дипломатических связей с Новгородом Великим, особое место принадлежит тем грамотам, которые сохранились параллельно на древнерусском и средненижненемецком языке. Они не только позволяют историку уточнить данные, сопоставив разные свидетельства об одних и тех же событиях, но и представляют большой интерес для лингвиста. Это редкий материал для изучения переводческой практики и профессиональной компетенции ганзейских канцелярий, которые вплоть до середины XV в. обеспечивали успешные контакты с русской партнерской стороной, выполняя всю работу по переводу древнерусских документов на средненижненемецкий язык и наоборот – по составлению посланий в Новгород на русском языке. До сих пор было известно восемь таких грамот, но недавно они пополнились девятой подобной парой. Послание магистрата города Ревеля

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (№17-01-00158 и № 18-012-00131).

в Новгород от марта 1425 г. было в течение долгого времени известно только в средненижнемецкой версии, обнаруженной в Ревельском (Таллиннском) архиве и опубликованной в 1881 г. [LECUB, 7, №261]. Недавно, в 2016 г. С.В. Полеховым в фонде фотографий архива был найден снимок древнерусского текста того же послания. Поскольку в русском и немецком текстах имеются некоторые различия, у историка возникал вопрос, какой из них первичен. Как с исторической, так и с филологической точек зрения первичным (то есть образцом для окончательного письма) оказался немецкий вариант, затем в Ревеле же переведенный на русский язык².

Поводом, побудившим ревельские власти написать письмо, был типичный для ганзейско-новгородских отношений конфликт: в ответ на избиение новгородских купцов и захват их товаров у эстляндского побережья в 1424 г. Новгород, считавший виноватыми немцев, в начале 1425 г. арестовал ганзейских купцов в Новгороде. Несмотря на то, что виновные не были найдены, в октябре 1425 г. задержанные немецкие купцы были отпущены на свободу. Одним из шагов, предпринятых ганзейской стороной для того, чтобы отвести от своих купцов несправедливые обвинения, было данное послание к светским властям города и к новгородскому владыке Евфимию с уверениями в невинности немецкой купеческой общины и в верности Ганзы всем договорам и соглашениям.

В XV в. профессиональные переводчики Ганзы обладали большим опытом и хорошо знали древнерусский язык, владели особенностями чина русской грамоты и русского письма и потому не только умели составлять вполне качественные тексты на древнерусском, но и употребляли при этом специфические элементы официально-делового стиля своих адресатов, отличного от принятого у них на родине целым рядом черт: терминов, формул и синтаксических конструкций. В рамках этой сложившейся у ганзейцев языковой практики составитель немецкого черновика письма 1425 г. правильно пользуется немецкими эквивалентами таких специфически русских формул, как адресные формулы и формула крестоцелования, которые переводчик затем передает при помощи их русских соответствий [Сквайрс 2000: 464–471; Сквайрс/Фердинанд 2002: 78–96, 99–101, 323]. Еще проще справляются оба писца с теми случаями, когда формулы-эквиваленты исконны для обоих языков, как например, дресс. ‘безо всакое

² О ходе конфликта 1424–1425 гг. и о критериях, на основании которых устанавливается как первичность немецкого текста, так и ганзейское авторство русского перевода, см. в статье, содержащей публикацию и анализ обоих текстов [Гиппиус/Лукин/Полехов/Сквайрс].

хитрости' и снем. 'sunder (alle) behendicheid'. В целом немецкий текст безупречен в выборе большинства формульных элементов, и в результате перевода получается чистый с точки зрения этих обязательных клише русский текст. Однако в двух местах грамоты встречается одна и та же фраза, не относящаяся к числу обычных контактных русско-ганзейских формул-соответствий. Это выражение, которое употребляется ганзейцами для отрицания вины: 'не виноваты ни словом, ни делом'. Переводчик не обходит его вниманием в нижненемецком образце и передает похожими русскими вариантами:

Контекст 1:

... dat wij der sake rades, dades vnde alles medewetendes vnschuldich sin
'что мы в этом деле ни словом, ни делом, ни знанием не виноваты',
... тое же дѣло не д(ѣ)лом ни думою ни виновати;

Контекст 2:

... wante de gancze copman der sake vnschuldich is rades vnde dades, myt werken edder mit worden 'так как (немецкое) купечество не виновато ни словом, ни делом, деяниями или словами'
... занѣда мы вси купцы в томъ оруды ни виновати ни дѣлом, ни словом.

Однако, примененные им выражения по форме не совсем точно повторяют немецкие: непереверждённым осталось в 1 контексте выражение *vnde alles medewetendes*, и во втором тоже предпринято похожее сокращение, вместо *vnschuldich is rades vnde dades, myt werken edder mit worden* просто сказано ни виновати ни дѣлом, ни словом. Переводчику по какой-то причине показалось достаточным упоминание о невиновности «ни делом, ни думою (помышлением)», что наводит на мысль, что он воспринимал фразы из немецкого образца как клише и поэтому для перевода подобрал тоже идиоматичные эквиваленты.

В этом случае интересно выяснить причины его выбора:

— если анализ покажет, что эти выражения все же являются формулами из репертуара языка дипломатики, то пополнятся наши знания в области немецкого или русского (или того и другого) языка грамот.

— если же переводчик хотел соблюсти идиоматичность другого рода, то это редкий для правовых текстов случай, когда можно наблюдать попытку справиться с труднопереводимыми свойствами фразеологизмов, как образность, переносное значение, неразложимость, эмотивные и эстетические моменты.

Формулы грамот и фразеологизмы общей лексики языка занимают принципиально разное положение по отношению к таким

признакам, как 1) функциональность и конвенциональность, 2) образность, эмотивность и эстетическая нагруженность. Рассмотрим с этой точки зрения наши контексты в каждом из языков ревельского письма.

НЕМЕЦКАЯ ФОРМУЛА «НИ СЛОВОМ, НИ ДЕЛОМ»

В средненижненемецком языке выражение *rades vnde dades* встречается неоднократно – причем именно в сочетании с *vnschuldich* ‘не виноват(ы)’ – в правовых контекстах в выражениях типа *is rades vnde dades vnschuldich* ‘(он) не виноват ни словом, ни делом’. Как в средненижне-, так и в средневерхненемецком оно принадлежит стилю правовых текстов и встречается, начиная с основополагающих памятников немецкой юридической прозы XIII в., ср. в ‘Саксонском зеркале’ [Sachsenspiegel 1720: 382]:

(1) *oft he rades unde dades unschuldich is*
‘если он ни словом, ни делом не виновен’.

Далее оно дословно воспроизводится в правовых кодексах, основывающихся на Саксонском зеркале, например, в остфальском (как и само «Зерцало») праве города Гослара [Ebel 1968: 86, 72]:

(2) *of he rades unde dat (.) unschuldich were.*

В средненижненемецком словаре приводится полностью фраза *rades unde dades vnschuldich* в контекстах, начиная с 1318 г. [Schiller/Lübben I, 488]. Кроме Остфалии, это выражение встречается и в других ниже- и верхненемецких регионах, в том числе и позднее. Из правовых текстов оно распространяется в других жанрах при передаче правовых контекстов, например, в «Любекской хронике» Дитмара, памятнике историографии конца XV в., в рассказе о том, как судились любечане за понесенный от мекленбуржцев ущерб: обвиненный пытается освободиться от наветов словами [Grautoff 1830: 138]:

(3) *dat he rades unde dades unschuldich were*
‘что он де словом и делом невиновен’.

Аналогичные контексты встречаются и в верхненемецких правовых текстах, например, в Судебнике шёффенов города Лейпцига (1523–1524 г.) [Kisch 1919: 482]:

(4) *des mordes mit rate und mit tate unschuldig sei*
‘в убийстве словом и делом не виноват’.

Еще более южный пример содержится в грамоте из Аугсбурга 1429 г.:

(5) *weder schuld, rat, noch tate, hetten mit Worten oder mit werken und des unschuldig weren...*

‘ни несли вины, словом ли, делом ли, – ни словами, ни действиями виновны не были’³.

Это лишь некоторые из многих примеров, иллюстрирующих распространенность данного выражения, но и сказанное в достаточной мере показывает устойчивость фразы в правовой традиции различных регионов Германии на протяжении долгого времени, начиная с создания правовой прозы на родном языке автором «Саксонского зеркала». Словари фиксируют пару *rades vnde dades*, приводя в статьях на оба слова *rat* и *dat* и при этом подчеркивая ее формульный характер: *Formel sonst häufig* ‘формула, распространенная также’ (с дальнейшим перечислением ганзейских грамот Любека, Дитмаршена, вообще Шлезвиг-Гольштейна) [Schiller/Lübben I, 488; III, 425].

Таким образом, в немецком языке различных регионов Германии в традиции юридической словесности – в памятниках земельного и городского права, а затем и в документах малых жанров (грамотах) – рассматриваемое выражение упрочилось как правовая формула задолго до написания письма в Ревеле, употреблялось в его время и долго еще не выходило из употребления в той же функции – как традиционная формула отрицания вины в совершении преступления (проступка). Ее конвенциональный характер несомненен, на конвенции основана ее юридическая действительность, то есть ее функция. В то же время структура и яркая форма этого выражения не позволяет отрицать и возможную эстетическую или эмотивную сторону этой идиомы.

В процитированных контекстах встречаются и синтаксически расширенные варианты формулы. Прежде всего, конкретный правовой контекст, в котором она функционирует, требует дополнения, обозначающего проступок или преступление, вина за которое отрицается всей формулой. Такое дополнение оформляется в родительном падеже, ср. в упомянутом выше лейпцигском судебнике **des mordes** (см. пример 4). В любекских грамотах разных лет видим ту же синтаксическую конструкцию с указанием на некое неназванное преступление (грамоты 1374 и 1414 г., конкретный характер преступления указан в другом предложении текста) [SHLUB 1842: 298–302]:

(6) *de schal sik **der misdat** unschuldigh maken, rades, dades unde witschop*

‘он опровергнет свою виновность в (этом) преступлении словом, делом и знанием’.

³ Грамота пфальцграфа Иоанна, Аугсбург, см. [Stetten 1762: 401].

В примере 6 есть и другой тип расширения: путем добавления третьего члена цепочки *rades, dades unde witschop*, встречается близкий по форме вариант *wetenschop*: *dat he unschuldich weer rades, dades, aller wetenschop* ‘что он не виноват ни словом, ни делом, ни каким-либо знанием’. Слово *witschop* в цепочке *rades, dades unde witschop* не несет дополнительного юридического смысла (например, знание о совершаемом преступлении, пассивное соучастие), если верить свидетельству лексикографов: словарь приводит *witschop* под значением ‘знание’, хотя в той же словарной статье подробно иллюстрируется и значение ‘свидетельство, свидетельствование’ [Schiller/Lübben V, 751–752]. Очевидно, можно полагать вслед за авторами словаря, что третий член перечисления *witschop* (и вариант *wetenschop*, не указанный словарем) не прибавляет конкретной юридической информации, а скорее служит для усиления отрицания, которое выражала парная формула. Присоединение третьего члена в цепочке, не обусловленное юридической необходимостью или другим практическим мотивом, может, конечно, носить стилистический или эмотивный характер. Однако этот признак скорее факультативен, поскольку формула и в кратком варианте выполняет свою правовую функцию.

ФОРМУЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОД

Эти два способа расширения формулы *rades vnde dades* – внесение юридического уточнения (упоминание проступка) и риторическое усиление устной формулы отрицания – различны по своей природе, и их следует рассматривать по отдельности и учитывать при сопоставлении с русским письмом. Дополнение, несущее информацию, необходимую для юридического контекста, не формульно, и перевод в таком случае скорее был бы дословным, так как информативность этой части предъявляет требования к точности юридических фактов.

Иначе обстоит дело с формульными частями правового текста. В принципе для языка средневекового права характерно использование стилистических, усилительных и даже эстетических приемов: синонимических повторов, морфологических вариантов, аллитераций и т. д. Например, упомянутая выше формула немецких грамот снем. *sunder (alle) behendicheid* (аналогичная древнерусскому ‘безо всякое хитрости’) может выступать в вариантах с различными лексемами:

(7) *ane jenigherleye hinder eder vortoch*, букв.

‘безо всякого препятствия и промедления’;

(8) *an alle weddersprake vnd ane alle argelist*, букв.

‘без прекословия и без хитрости’;

в том числе и в виде цепочек различной длины, ср. в одной и той же грамоте:

(9) *ane allen vortoch unde hinder; ane alle argelist*, соответственно ‘без промедления и препятствия’, ‘без хитрости’.⁴

Эти выражения, различающиеся как выбором лексем *argelist*, *hinder*, *vortoch*, *weddersprake*, так и их количеством, представляют собой варианты формулы с одной и той же правовой функцией и общей семантикой, то есть функционально синонимичные. При переводе в этом случае критерий дословности не действует: например, (древне)русские варианты ‘без хитрости’ или ‘без пакости’ эквивалентны любому из немецких вариантов в примерах 7–9, хотя конкретные лексемы различаются по значению. Правовые тексты, обладающие высокой степенью формульности, переводятся не по принципу «слово одного языка – словом другого», а способом «формула – формулой». Хотя в самих документах часто утверждается, что они приводят иностранную грамоту дословно, *van worde to worden*, однако на деле опытные немецкие писари знали репертуар русских формул и пользовались формульными эквивалентами.⁵

Все сказанное в полной мере можно отнести к немецким контекстам письма 1425 г.: парная формула *rades vnde dades* выполняет свою функцию в конкретном правовом контексте, независимо от того, выступает ли она в данном минимальном составе или в расширенном виде с третьим или даже четвертым членом. Это же требование функциональной, а не дословной равнозначности должно, очевидно, распространяться и на метод перевода данных контекстов на русский язык.

РУССКИЙ ЭКВИВАЛЕНТ

В ревельском письме 1425 г. немецкая версия содержит описанную юридическую конструкцию с расширением второго типа: в контексте 1 это *alles medewetendes*, буквально ‘всякого знания, осведомленности’; во втором контексте добавленная часть из двух компонентов *myt werken edder mit worden* является по сути повтором парной формулы с (условно) синонимичными лексемами: ср. *rades / worden* ‘словом’ и *dades / werken* ‘дело, деяние’. В русской версии лексемы тоже варьируются: в первом контексте не ‘д[ѣ]лом’ ни думую,

⁴ Примеры взяты из грамот г. Гальберштадта 1360–1430 г., см. подробнее [Сквайрс 2008: 410–411].

⁵ Средневековое правило *van worde to worden*, восходящее к общей традиции лат. *verbum de verbo*, не следует понимать буквально: оно само является формулой, подробнее о ганзейских переводчиках на русский и на немецкий язык см. [Сквайрс/Фердинанд 2002: 99–101].

во втором 'ни дѣлом, ни словом'. Это близкое, но не дословное соответствие в версиях на обоих языках подтверждает высказанное выше предположение, что фразы могли существовать в виде формул в каждом языке самостоятельно, что переводчик знал об этом и потому не считал верным переводить дословно. В обоих языках эти схожие фразы обладают выразительностью и, по всей видимости, формульностью, в связи с чем в русском переводе, как и в немецком, допустима – по мнению ганзейского переводчика – замена (синонимическая подстановка) или добавление без того, чтобы менялся смысл общего и нарушалось общее семантическое соответствие.

Наличие вариативности в переводе, в целом соответствующем немецкому образцу, должно было бы означать, что формула исконна и в древнерусском. Однако поиски в словарях и базах данных не дали ни одного случая типа 'ни словом, ни делом' в русских грамотах в юридической формуле отрицания вины. Более того, на древнерусском вообще не фиксируются контексты, в которых лексемы 'слово' и 'дело' выступали бы в паре друг с другом или с синонимичными субститутами⁶. В срезе XIII–XV в., синхронном немецким свидетельствам, не найдено русской идиомы ни в сфере права (как немецкая формула), ни в форме фразеологизма иной природы. При этом сам облик парной формулы, похожей на множество современных русских фразеологических сочетаний типа 'словом и делом' (см. далее) убеждает, что она вряд ли может совершенно отсутствовать в истории русского языка. Чтобы найти ее следы и определить, откуда немецкий переводчик мог взять употребленные им русские выражения, придется обратиться в другие хронологические области: более древние для немецкого материала и в более поздние – для русского.

К истории немецкой формулы

Что касается происхождения немецкой парной формулы, то с ней повторяется та же история, что и с русской: ни в древневерхне-немецком, ни в древнесаксонском не обнаружена форма, к которой можно было бы возвести эту формулу, столь частотную в письменном узусе начиная с «Саксонского зеркала». Она не зафиксирована на территории Германии до эпохи создания правовых кодексов XIII в., однако в других германских диалектах подобные парные формулы встречаются значительно раньше. Так, в законах англосаксов IX–XI в.

⁶ Этот негативный результат дали поиски по словарям и базам данных: [Срезневский 1893–1903 (2003); Аванесов 1989; Бархударов 1977; Богатова 2000; НКРЯ; Зализняк 2004]; автор также выражает благодарность за помощь и информацию А.А. Гиппиусу.

обнаруживаются соответствия немецким вариантам, например, судебная клятва, которая письменно зафиксирована в рукописи ок. 1100 г., но относится, по мнению исследователей, ко времени между 960 и 1040 г. [Liebermann 1960: 396, 675]:

næs ic æt ræde ne æt dæde, ne gewita ne gewyrhta, ðær man mid unrihte [N] orfætferede,

‘не был я ни словом, ни делом, ни знанием, ни деяниями, когда у [...] незаконно увели его скот’.

Таким образом, благодаря англосаксонской традиции правовой словесности, которая отличается от континентальной и сохранённым в ней богатством, и ранней письменной фиксацией [Schmid 1858: XV], можно найти материал, сходный по форме и функции с немецкой формулой из больших правовых кодексов XIII в.

Письменные законы английских королей от Этельберта до норманнского завоевания составляют раннюю – вторую по древности после ирландской – письменную правовую традицию на родном языке. Как полагают, Кентские законы короля Этельберта VII в. непосредственно продолжают и письменно закрепляют наследие германской устной правовой традиции, а для этого древнего права характерно использование поэтических приемов. В книге А. Бо и К. Мэлоуна в главе об истории права англосаксов, красноречиво озаглавленной «Народная поэзия» [Baugh/Malone 2003: 32–46], рассматриваются поэтические корни языка права. В частности, приводятся формулы в виде кратких стихотворений с парной структурой, в числе которых можно найти и аналогичные нижненемецкому выражению. Среди них есть аллитерирующие, как *ægðer ge dæde ge dihtes* ‘как в деле, (так) и в намерении’, и рифмованные парные формулы как *æt ræde ne æt dæde* ‘ни словом, ни делом’. Авторы определяют это наследие как «традиционные формулы, обычные для правовой фразеологии» (traditional formulas, common in legal phraseology) [Baugh/Malone 2003: 37].

Древнеанглийский материал не только восполняет лакуну, связанную с утратой древнего устного наследия на континенте, но и дает три важных указания. Во-первых, он подтверждает правовой статус этой формулы в древности и даже позволяет уточнить ее конкретное назначение и жанр: она является текстом клятвы, произносимой в суде (например, ее публикатор Ф. Либерманн поместил ее в раздел «Eidesformel», «Формула присяги / клятвы») [Liebermann 1960: 675]. Во-вторых, он связывает эту правовую формулу с поэтической традицией, а значит и с эстетической функцией языка в целом.

Сложившаяся картина показывает длительную традицию, отдельные хронологические этапы которой зафиксированы в различных

западногерманских языках, но которая ни в одном из них не представлена в непрерывном историческом развитии. Что древнеанглийский и средненижненемецкий материал можно считать такими, отраженными в разных ареалах отрезками единой цепи, подтверждается поздними свидетельствами, которые обнаруживаются в других континентальных языках. Так, эту формулу можно встретить в императорском указе XVI в. на нидерландском языке: *in 't raede oft met daede in eenigher manieren* 'каким-либо образом в совете или (при помощи) деяния' (указ Карла V о привилегиях сословий Брабанта, 1549 г.)⁷, а можно – в традиционных фризских законах 1323 года: *dat wi se alle mene, in da rede and in der dede, mit liew and mit guede were den frydomet to biskyrmen* – 'чтобы мы были едины в мыслях [?] и деле, чтобы жизнью и доброй обороной защищать свободу'⁸. Эти примеры показывают географическое распространение формулы там, где нельзя предположить влияния правовой традиции купеческих городов Ганзы; фризское свидетельство к тому же дополнительно подтверждает связь с древним правом германцев.

Немецкая формула из ревельского письма, таким образом, имеет древние корни, восходящие к тексту клятвы, произносимой в суде, и первоначально существовавшей в устной форме. Однако это не значит, что хронологическое расстояние, разделяющее ганзейские грамоты и древнее право англосаксов, не внесло корректив.

В связи с важным выводом о генетической связи немецкого выражения с устной формулой судебной клятвы обратимся к варианту в примере 6: с глаголом *maken* в грамоте 1374 г. Она представляет собой пространный документ, в котором речь идет о разрешении спора о возмещении ущерба, и выражение *sik der misdat unschuldigh maken* (буквально 'сделать себя невиновным в данном проступке') повторяется в нем вместе с описанием процедуры, которой человек может 'сделать себя невиновным'. В грамоте указано, что он освобождается от обвинения, если приведет 12 человек, подтверждающих его позицию⁹. Это проясняет и юридический, и языковой смысл формулы: в ней имеется

⁷ Указ приведен в своде юридических документов Священной Римской империи Codex Germaniae Diplomaticus, worinnen Viele vortreffliche, und zum Theil noch niemahls zum Vorschein gekommene, auch zur Illustration der Teutschen Reichs-Historie und Iuris Publici, höchstnöthige Documenta enthalten sind, Welche Die Röm. Kayserl. Majestät, Auch Chur-Fürsten und Stände des Heil. Römischen Reichs, ... concerniren. Band 2. Lanckisch, 1733. S. 1480.

⁸ Законы, принятые на сходе фризских общин (семи зеландских, букв. 'приморских', областей, входивших в Упстальсбомский союз) в период независимости фризов в XIII–XIV вв. [Steller 1922: 143].

⁹ Полный текст грамоты см. [SHLUB 2, 298–302].

в виду не отрицание вины, а опровержение обвинения путем принесения клятвы – правовое действие, принятое в средневековом суде как доказательство¹⁰. Выражение *rades vnde dades vnschuldich (sin/maken)*, таким образом, – не эмоциональное высказывание и не риторическая фигура убеждения, а практический инструмент доказательства невиновности. Риторическая яркость парного сочетания *rades unde dades* и его расширенных вариантов (фонетически подобные антонимы, синонимические повторы) объясняется не эмоциональностью и не эстетическим фактором воздействия, а, как подтверждают древнеанглийское и фризское свидетельства, связью этой формулы с древней традицией устного права. В найденных контекстах идиоматичность формулы имеет уже конвенциональную основу и более не связана напрямую с эстетическими или эмотивными моментами. Язык права продолжает пользоваться наследием этой традиции до конца Средних веков, однако синкретизм функционального и поэтического в нем разрушен, а на рубеже XVI и XVII в. волна реформирования основных правовых текстов приносит с собой новую лексику, новый синтаксис и более рациональную организацию текста¹¹.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ РУССКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

В то время как в процессе анализа всё больше углубляется языковая и культурная ретроспектива немецкого варианта ревельского письма, его русский перевод остается без надежно засвидетельствованной истории и интерпретации. Между тем в современном русском языке различные вариации на тему ‘словом и делом’ или, с отрицанием, ‘ни словом, ни делом’, встречаются, однако для них не прослеживается связи с юридическими контекстами. Как правило, этим современным материалом занимаются фразеологи, а его изобилие заслоняет вопрос о происхождении парной формулы в русском языке, что затрудняет и нам подход к выяснению ее возможного косвенного родства с немецкой формулой.

Наиболее ранняя фиксация в русском языке относится уже к современному периоду, разнообразие фразеологических вариантов (не виновать) ‘ни душой, ни тѣломъ’ / ‘ни словомъ, ни дѣломъ’ / ‘ни помышленіемъ, ни дѣломъ – ничѣмъ’ определяется словарями как иносказательное, а цепочка перечисления трактуется как прием усиления

¹⁰ Так называемая очистительная клятва (*juramentum purgatorium*), см. [Loening 1848–1913: 139–141, 145].

¹¹ Например, содержательная ревизия, глубокая переработка текста и переход на общий верхненемецкий язык произошли в городском праве крупнейших городов Ганзы: в Любеке в 1586 г., Гамбурге в 1603 г.

отрицания (ср.: ничѣмъ) [Михельсон]. Это наглядно подкрепляют собранные словарями цитаты из литературы XIX в., например, из драмы «Гроза» А.Н. Островского в реплике Катерины: «Я тебя любила такъ, что себя не помнила, весь свѣтъ забыла, привязалась къ тебѣ, какъ собака, *ни душой, ни тѣломъ передъ тобой не была я виновата...*». Таким образом, обнаруживаемые в русском языке формальные аналоги немецкой фразы по своему значению близки к приему стилистического усиления, тогда как связи с юридическими контекстами и с той немецкой правовой формулой, которую мы встречали в кодексах законов и грамотах, у них найти не удастся. Впрочем, всё же можно встретить указание на ее изначальное происхождение: так, словарь Михельсона, один из старейших, возводит эту группу фразеологизмов к изречениям Макария Великого и/или Василия Великого. В этом, совершенно ином – религиозном – контексте существует подобная модель, известная в трудах этих отцов церкви (или приписываемая им) с IV в. Она, однако, имеет два важных отличия от фраз из русского и немецкого текстов письма 1425 г.:

– в структуре всего высказывания: германская судебная клятва имеет отрицательную конструкцию, тогда как в религиозном контексте построение предложения утвердительное, ср. приведенный словарем контекст из св. Макария Великого: «Прости ми грехи, яже сотвори в сей день *делом, словом и помышлением*»;

– в общем смысле высказываний: речь идет о грехе в религиозном понимании и о действиях, приводящих к нему, а не о преступлении в юридическом смысле.

Русская формулировка ревельского письма 1425 г., таким образом, полностью повторяет форму немецкой и ее германской модели (отрицание вины в контексте суда), тогда как для современного русского материала известна только христианская формула признания вины в контексте молитвенной просьбы о прощении.

Между правовым и праведным

Впрочем, генетическая близость языковой конструкции в русском и в западноевропейских языках все же прослеживается именно в поздних фразеологизмах. Так, в структурно-семантических параллелях современных фразеологизмов филологи, занимающиеся анализом похожих русских выражений, находят проявление общего наследия западной и восточной христианской словесности. Так, анализируя структуру фразеологизмов, содержащих понятие греха, Л.Г. Панова констатирует концептуальное сходство в русском и западном контекстах: «Совпадают у католиков и православных самые общие типы дей-

ствия, которые подводятся под понятие 'грех': это слово, дело, мысль, опущение (неделание чего-либо)» [Панова 2000: 172]. Для своей задачи автор приводит католический аналог из итальянского языка, содержащий те же компоненты 'слово'- 'дело'- 'знание, мысль', что и немецкая формула: *i peccati di opere / parole / pensieri/omissioni*.

При более близком рассмотрении, однако, выясняется, что это выражение не ограничено итальянским языком, а является цитатой из покаянной молитвы, известной христианскому миру из византийских литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста. Текст ее менялся, но в XVI в. был закреплён папой Пием V в Миссале и в таком виде читался до середины XX века, а некоторыми католиками – и после. В католической традиции интересующее нас место из покаянной молитвы Confiteor (от начального слова, «Я признаю») имело на латинском языке форму: *quia peccavi nimis cogitatione, verbo et opere* 'что я согрешил много мыслью, словом и делом'¹², а ее современный, расширенный вариант имеет и четвертый компонент *et omissione* 'и неисполнением (долга)' и представлен, как мы видели, в итальянском дословно.

Думается, что в связи с нашей задачей наблюдения Л.Г. Пановой можно принять как указание, что фразеологизмы религиозно-моральной семантики в католической и в православной традиции продолжают именно то раннехристианское наследие, о котором пишет Михельсон. Но тогда, поскольку наследие отцов церкви – Иоанна Златоуста, Макария и Василия, – оказавших влияние на православную и на католическую церковь, было доступно для восточных и западных христиан с раннего времени, трудно представить себе, чтобы и германская правовая формула не была тоже связана с раннехристианскими контекстами.

Провести прямую линию между христианской формулой покаяния и средненижнегерманской правовой формулой не просто, однако явная, судя по англосаксонскому аналогу, древность формулы и ее жанр – клятвы, лично приносимой в суде, – позволяет думать о допустимом религиозном компоненте и возможной связи с христианским риторическим образом.

Правовое и религиозное начала не столь далеки друг от друга, как кажется на первый взгляд. В исторической ретроспективе и в связи со свидетельством англосаксонского права можно вспомнить, что в Древней Англии первая фиксация Кентских законов Этельбер-

¹² Этот вариант был утвержден в Римском миссале, принятом Тридентским собором 1545 г. [Missale 1862, 214]; ср. более ранний вариант (XI в.) в [PL t. CXLV, 350] и более поздний в [Basic texts].

та (602–603 г.) была предпринята вскоре после прибытия туда миссии Августина (первого архиепископа Кентерберийского в 597–605 г.), направленной сюда папой Григорием I (Великим). И по содержанию законы Этельберта прочно связаны с устройством в Англии жизни церкви: первые шесть положений кодекса посвящены исключительно ее защите (от разграбления имущества христианской церкви и ее служителей). Значит, первые описанные преступления, за которые, кстати, назначалась компенсация, были одновременно преступлениями и против закона, и против церкви. Для раннехристианских германских – и славянских – обществ равным образом возможны и конкретные текстологические связи обеих сфер; как указывает Л.Г. Панова: ‘... в текстах Нового Завета вырабатывались лексические средства для обозначения христианского греха. Среди них было много переосмысленных юридических терминов с ярко выраженной идеей нарушения закона или морали...’ [Панова 2000: 170]. Здесь речь идет о юридической первичности религиозной лексики, тогда как в нашем материале очередность скорее противоположная, учитывая языческие корни устного права¹³, однако в любом случае можно говорить о языковой форме, как связующем цементе между правом и религиозными идеями о правильном и праведном.

КУЛЬТУРНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ И ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ

Для логического анализа языка, в русле которого выполнена работа Пановой, не является препятствием тот факт, что текст *Confiteor* по-прежнему является молитвой и вряд ли может (как в ее статье) рассматриваться как фразеологизм. Для наших же задач важно разобраться, позволяет ли молитвенный характер текста воспринимать интересующее нас выражение как формулу, или же следует понимать содержащееся в нем трех- или четырехчленное перечисление дословно (как назидание о причинах греха).

Общая для обеих церквей основа этого контекста в дальнейшем получала, как выявляется в процессе логико-лингвистического анализа, различное развитие. В западной (у Пановой: католической) традиции, вобравшей в себя аристотелевские идеи, разработана классификация грехов, а в ее учении о спасении души «отношения человека с Богом напоминают договор, жесткий закон, а нарушение договора (или закона) – преступление» [Панова 2000: 175]. Автор сопоставляет не теологические системы, а лингвистические концепты, на языковом

¹³ Ср.: “Both oral tradition and written laws forms of legal record-keeping were introduced by the Church, and before Christianity introduced records on parchment, English law was necessarily oral” [Fulk / Cain].

материале приходя к выводу о диффузности и расплывчатости греха у носителей русского языка в отличие от итальянского, в результате приходя к дихотомии правового и морального: «... русский язык в отличие от итальянского идет не в сторону греха как преступления, а в сторону греха как ошибки, заблуждения». Языковой анализ, по ее данным, показывает, что «православное вероучение дает верующему простор для интерпретации», в отличие от католического, которое дифференцирует грехи «и по степени их тяжести, и по степени участия злой воли», приводя таким образом к десакрализации самый концепт греха [Панова 2000: 175, 177].

Мы не располагаем материалом для прослеживания истории немецких и русских контекстов от раннехристианских памятников до времени 1420-х г.; как уже отмечалось, даже в пределах области права удаётся восстановить только отдельные этапы, причем в разных германских ареалах. Однако можно предположить, что из общего патристического источника они развивались и в русском, и в германских языках в русле морально-религиозной семантики, но при этом в немецком (и близких германских языках) существовало отдельное направление, оформившееся в качестве правовой формулы-клятвы. Эмансипации правового контекста могло способствовать и развитие религиозных концептов, выявленное Пановой: дихотомия правового и морального совпадает со свидетельством нашего материала. Если один член этой оппозиции (по Пановой, моральный поиск) отразился в русской фразеологии, то противоположное направление (договор, закон и грех, как его нарушение), очевидно, привело в германских языках к развитию правовой формулы в качестве судебной клятвы.

Семантика современных русских фразеологизмов остается в сфере морали, тогда как в юридической функции русская пара «делом и словом/мыслью» зафиксирована только в письме 1425 г., переведенном в Ревеле немецким служащим.

Выводы

Ганзейцы, несомненно, знали, что в русской традиции нет такой правовой формулы, хотя в принципе возможны случаи ее употребления в несохранившихся до нашего времени письмах или просто еще не известные нам. В этом случае, возможно, их авторами тоже были немцы. В немецком оригинале употребление формулы отрицания вины было неизбежно, так как задавалось его контекстом: формула является цитатой-ссылкой на клятву невиновности, принесенную немцами при встрече сторон летом 1424 г. [Сквайрс 2018], которая тогда не была принята русской стороной в качестве достаточного доказатель-

ства. В своем письме Ревель возвращает к этому свидетельству, наставляя на его весомости, напоминая также о клятве по русскому обряду (целованием креста). Таким образом переводчик русской версии был вынужден использовать фразу аналогичной конструкции; более того: он воспользовался известными ему русскими идиомами, очевидно опираясь на ощущение общей (религиозной) основы формул в обоих языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1989 – *Аванесов Р.И.* (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 томах. Том 2. М.: *Русский язык*, 1989.
- Бархударов 1977 – *Бархударов С.Г.* (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г–Д). М.: Наука 1977.
- Богатова 2000 – *Богатова Г.А.* (гл. ред.). Вып 25. Москва: Наука, 2000.
- Гиппиус/Лукин/Полехов/Сквайрс – *Гиппиус А.А., Лукин П.В., Полехов С.В., Сквайрс Е.Р.* Новая грамота о новгородско-ганзейских взаимоотношениях (1425 г.) // Труды Института российской истории РАН (в печати).
- Зализняк 2004 – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Михельсон – *Михельсон М.И.* Большой толково-фразеологический словарь Михельсона (на базе издания: МИХЕЛЬСОН Мориц Ильич. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. СПб., Ак. наук, 1896–1912.) http://www.slovarix.ru/slovar_mihelsona_originalnaya_orfografiya/page/ni_dushoy_ni_telom_ne_vinovat.14015/ (последнее посещение 22.07.2018).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru>, посещение 25.08.2018).
- Панова 2000 – *Панова Л.Г.* Грех как религиозный концепт (на примере русского слова ‘грех’ и итальянского ‘peccato’ // Логический анализ языка. Языки этики. Под ред. Р.Д. Арутюновой, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцевой. М.: Языки русской культуры 2000.
- Сквайрс 2000 – *Сквайрс Е.Р.* Русь и Ганза: модель языкового контакта. // Славяно-германские исследования, тома первый, второй. Отв. ред. А. Гугнин, А. Циммерлинг. М.: Индрик, 2000. С. 436–540.
- Сквайрс 2008 – *Сквайрс Е.Р.* Почтенные граждане города Гальберштадта: средневековые грамоты – о жизни, делах и языке города. // Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. Сост. Е.Р. Сквайрс, Н.А. Ганина. М.: Макс-Пресс, 2008. С. 402–422.
- Сквайрс 2018 – *Сквайрс Е.Р.* В двух словах: и слово, и дело, и правда, и закон (контекст из русско-ганзейской грамоты 1425 г.) // Скрытые смыслы, материалы круглого стола, МГУ, 2018.

- Сквайрс/Фердинанд 2002 – *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М.: Индрик, 2002.
- Срезневский 2003 – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903. (Репринт: М., 2003.)
- Basic texts – BASIC TEXTS for the CATHOLIC MASS <http://catholic-resources.org/ChurchDocs/CatholicMass-BasicTexts-Rev3.pdf> (5.09.2018).
- Baugh/Malone – *Baugh, Albert C., Kemp Malone.* The Literary History of England. Vol 1: The Middle Ages (to 1500). Routledge, 02.09.2003.
- Ebel 1968 – *Ebel, Wilhelm (Hrg.).* Das Stadtrecht von Goslar. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968.
- Fulk/Cain – *Fulk R.D., Christopher M. Cain* (eds.). A History of Old English Literature. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118441138.ch8> (12.08.2018)
- Grautoff 1830 – *Grautoff, F.H.* (Hrg.) Chronik des Franciscaner Lesemeisters Detmar. Bd. 2. Hamburg, 1830.
- Kisch 1919 – *Kisch, Guido* (Hrg.). Leipziger Schöffenspruchsammlung. Leipzig: Hirzel, 1919.
- LECUB – Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Band 7. Hrg. Hermann Hildebrand. Riga, Moskau: Deubner 1881.
- Liebermann 1960 – *Liebermann, Felix.* Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 1. Text und Übersetzung. Aalen: Scientia, 1960.
- Loening 1880 – *Loening, Richard.* Der Reinigungseid bei Ungerichtsklagen im deutschen Mittelalter. Heidelberg, 1880.
- Missale – Missale romanum ex decreto sacrosancti Concilii tridentini restitutum. Ratisbonae: Friderici Putstet, 1862.
- PL – *Jacques Paul Migne.* Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Paris, 1853
- Sachsenspiegel 1720 – Sachsenspiegel oder das Sächsische Land-Recht, in der Alt-Teutschen, Lateinischen und itzo gebräuchlichen Hoch-Teutschen Sprache, nebst Nöthigen Auszügen aus der Glosse (etc.) hrsg. von Jacob Friedrich Ludovici, Waysenhaus, 1720, S. 382.
- Schiller/Lübben – *Schiller, Karl,* August Lübben. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen. Bd. I (1875), III (1877), V (1880).
- Schmid 1858 – *Schmid, Reinhold* (Hrg.). Die Gesetze der Angelsachsen: In der Ursprache mit Übersetzung, Erläuterungen und einem antiquarischen Glossar. Leipzig: Brockhaus, 1858.
- SHLUB – Urkundensammlung der Gesellschaft für schleswig-holstein-lauenburgische Geschichte, Band 2. Hrg. A.L.J. Michelsen. Kiel, 1842.
- Steller 1922 – *Steller, Walther.* Zu den Upstalbomer Gesetzen von 1323. // Beiträge zur Deutschkunde. Theodor Siebs zum 60. Geburtstag. Hrg. Helmut de Boor. Emden, 1922.
- Stetten 1762 – *Stetten, Paul von.* Geschichte der adelichen Geschlechter in Augsburg. Augsburg: J.J. Haid, 1762.

Catherine Squires
Lomonosov Moscow State University

Oath and Prayer: A Hanseatic Letter to Novgorod, 1425

The paper deals with parallel Middle Low German and Russian versions of a letter to Novgorod, both composed in the city of Reval in 1425. An idiomatic expression deviating from the usual formulaic wording of medieval Hanseatic-Novgorodian charters catches attention and requires analysis. In German it is an established expression in legal prose, going back to an old oral oath documented as early as Anglo-Saxon law. Although the Russian phrase used by the translator shows no traces of legal functioning, a common origin traced back to Early Christian prayer, explains and justifies his choice.

Key words: medieval law, poetic tradition, prayer, Middle Low German, Old English, Russian, the Hansa, Novgorod